

На правах рукописи

Макеева Елена Вячеславовна

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2009

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

- Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Гречко Виктор Александрович
(ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»)
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Романова Татьяна Владимировна
(ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»)
- кандидат филологических наук, доцент
Позерт Ирина Николаевна
(ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»)
- Ведущая организация: ГОУ ВПО «Литературный институт им. А.М. Горького»

Защита состоится 24 сентября 2009 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан «__» _____ 2009 года

Ученый секретарь диссертационного совета

И.С. Юхнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена изучению особенностей функционирования в языке А.С. Пушкина заимствованной лексики западноевропейского происхождения.

Внимание лингвистов к проблеме заимствования не ослабевало никогда с момента ее постановки. Особенно остро вставал вопрос о границах допустимости использования иноязычных элементов в периоды подъема экономического, политического и культурного развития или в моменты исторических потрясений, связанных с коренной ломкой существовавших социально-общественных отношений, поскольку именно в эти периоды процесс заимствования заметно активизировался. Значительный интерес в плане особенностей языковой ситуации представляет первая треть XIX века – время становления русского литературного языка, ознаменовавшееся бурной языковой полемикой, в том числе и по вопросам, связанным с использованием иноязычной лексики.

Изучение языка Пушкина, которого считают создателем русского литературного языка, может дать и дает много интереснейших фактов как с точки зрения особенностей развития индивидуально-творческого метода Мастера русского слова, так и с точки зрения истории развития русского литературного языка в целом, поскольку, по справедливому замечанию В.В. Виноградова, «произведения крупных писателей всегда ориентированы на общую систему литературного языка данного времени. Их стиль так или иначе соотношен и связан с литературной нормой выражения», «в личном стиле отражаются и сказываются свойства и строение национального языка, отражаются многие типические черты стиля эпохи»¹. Неослабевающий интерес к языку Пушкина в настоящее время проявляется, в частности, в активизации лексикографического описания различных его пластов².

Без разностороннего и детального изучения особенностей языка «первого поэта России», основоположника русского литературного языка, в парадигме которого мы живем до сих пор, невозможно в полной мере понять и пути развития русского языка, адекватно оценить его перспективы, невозможно глубоко понять характер изменения языка как социокультурного феномена. Все это обусловила необходимость описания заимствованной лексики с таким расчетом, чтобы показать особенности ее употребления в языке Пушкина на общем языковом фоне первой трети XIX века.

Изучение литературы, посвященной данной проблематике, показывает, что исследование языка Пушкина, в частности отдельных его лексических пластов, ведется в разных направлениях. Так, в работах Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.В. Томашевского, Г.А. Гуковского, М.П. Алексеева, Ю.М. Лотмана, В.В. Набокова, В.В. Макарова, В.А. Малаховского, Л.С. Сержана, Ю.В. Ванникова, Н.А. Колосовой, В.Г. Гака и ряда других исследователей в разной степени освещаются вопросы взаимодействия в пушкинских текстах русской и французской стихий. Изучению неассимилированной лексики в языке Пушкина посвящены работы В.В. Макарова, Н.А. Колосовой, М.В. Кашковской, Е.В. Савиной и др. Особенности использования научной лексики, среди которой немало слов иноязычного происхождения, рассматриваются в монографии Н.В. Васильева.

Известно, что отбор и употребление всех языковых единиц были подчинены поэтом «чувству соразмерности и сообразности», необходимости выполнять в данном тексте определенные стилистические функции, обусловленные темой, типом текста,

¹ Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: Изд-во «Наука», 1978. С. 156; 162.

² См., например, «Опыт синонимического словаря А.С. Пушкина» (Выпуск 1. Сост. Гречко В.А., Переволочанская С.Н., Широкова Е.Н., Воденисова И.В.; Под ред. В.А. Гречко. – Н.Новгород: Изд. ННГУ, 2000), «Словарь крылатых слов и выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко (СПб.: Изд-во СПбГУ. Фоно-пресс, 1999), проект «Фразеологического словаря Пушкина» («Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара» – СПб.: Наука, 2005. С.333) и др.

социальным положением героя, конкретными эстетическими задачами автора. Однако обычно в качестве иллюстраций к этому принципу даются примеры использования «славянизмов», единиц просторечия, очевидно «чужеродных» элементов (например, неассимилированной лексики) или рассматриваются вопросы общего влияния французской языковой стихии на язык А.С. Пушкина. Пролывая свет на многие вопросы, связанные с проблемой использования различных лексических пластов в языке Пушкина, имеющиеся на настоящий момент исследования, на наш взгляд, не дают пока полного представления о функционировании западноевропейской лексики в языке поэта.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием на сегодняшний день системного описания западноевропейизмов, нашедших отражение в языке А.С. Пушкина, с учетом времени создания и жанровых особенностей произведений, где они функционируют. В условиях чрезвычайно активного заимствования, зачастую неоправданного, сопровождающегося искажением смысла слов, неверным их употреблением и возникающей в связи с этим путаницей понятий, чем характеризуется период конца XX – начала XXI веков, выявляется настоятельная потребность в детальном и системном описании заимствованной лексики языка поэта, а также в создании словаря указанных единиц.

Поскольку заимствованное слово может проходить путь переосмысления в исторически короткие отрезки времени и словари не всегда отражают особенности его семантики на том или ином этапе освоения, исследования, связанные с разработкой вопросов по писательской лексикографии, помогают восполнить эти пробелы. Это также делает работу актуальной.

Объект исследования – лексические заимствования из английского, немецкого и французского языков (как наиболее значимых для русского языка первой трети XIX века языков-источников), вошедшие в русский язык преимущественно в XVIII – начале XIX веков, и их дериваты, отражающие активность ассимиляции заимствований.

Предмет исследования – особенности функционирования указанных единиц в текстах пушкинских произведений как отражение особенностей развития русского литературного языка первой трети XIX века в целом и особенностей взглядов самого поэта на принципы отбора и употребления указанных единиц в частности.

Материал для исследования – весь корпус западноевропейизмов, зафиксированных в «Словаре языка Пушкина», а также в текстах Академического издания Полного собрания сочинений в 16-ти томах (1937 – 1949), которые привлекались в случаях, когда необходимый для иллюстрации выдвигаемых положений контекст употребления заимствованного слова в определенном жанре/произведении не был представлен в «Словаре языка Пушкина», и при анализе функционирования западноевропейизмов в художественном тексте как едином целом.

Целью исследования было описание заимствованной лексики западноевропейского происхождения в языке Пушкина и составление словаря западноевропейизмов; соотнесение полученных словарных данных с общей картиной функционирования заимствованных единиц, отраженной, в частности, в словарях иноязычной лексики начала XIX века; изучение принципов отбора и употребления указанных единиц в художественной речи, а также в письмах, журнальных статьях и заметках, исторических трудах Пушкина.

Постановка цели предполагала решение следующих **задач**:

- путем сплошной выборки выявить фактический материал и создать картотеку заимствованных слов западноевропейского происхождения, встречающихся в языке Пушкина;
- классифицировать указанные единицы с точки зрения жанрового, частотного употребления; по источнику заимствования; по частеречной принадлежности; по степени ассимиляции (в том числе с учетом вариативности употребления,

словообразовательной активности, связного/свободного употребления, использования прямого/переносного значения);

- рассмотреть семантические особенности конкретных иноязычных единиц;
- проследить судьбу указанных единиц в современном русском языке;
- выявить принципы отбора и употребления указанных единиц в языке Пушкина, соотнеся их с требованиями, которые предъявлялись поэтом к западноевропейизмам; обозначить художественные функции этих единиц в текстах различных жанров.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе представлен целостный анализ заимствованной лексики западноевропейского происхождения, имеющей место в языке А.С. Пушкина, с учетом тематико-семантического, грамматического (частеречного), стилистического аспектов; качественные наблюдения подтверждаются статистическими данными; прослеживается эволюция принципов отбора и употребления заимствованной лексики западноевропейского происхождения в творчестве А.С. Пушкина; выявляются особенности употребления указанных единиц в различных жанрах; в ходе работы комплексно использовались элементы историко-лексикологического и историко-литературного, культурологического и текстологического, а также статистического анализа.

Теоретическая значимость диссертации находит отражение в том, что данное исследование дает возможность воссоздать более полную картину развития словарного состава русского литературного языка XVIII – XIX веков: определить роль и место иноязычных элементов в процессе формирования русской лексики этого времени. Это позволяет показать особенности не только собственно языковой системы, но и особенности развития общества в данный период. Проведенное исследование способствует описанию языка Пушкина как цельной семантической и стилистической системы, включая различные формирующие ее языковые стихии.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования фактических результатов исследования и основных положений диссертации в практике преподавания (в школе – как дополнительный, справочный материал по литературе при изучении творчества Пушкина и по русскому языку при изучении тем по стилистике и истории развития русского литературного языка, а также как фактический и дидактический материал для проведения элективных курсов соответствующей тематики; в вузе – в качестве материалов для спецкурсов, спецсеминаров по лексической семантике, стилистике, писательской лексикографии).

Проведенное исследование может быть использовано при решении задач выявления специфики пушкинского текста, восполнения культурологических лакун, возникающих по объективным причинам, связанным с изменениями в картине мира читателей разных поколений.

Методы исследования. В процессе анализа собранного материала использовались следующие методы: метод лингвистического описания, предполагающий наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию в соответствии с целевой установкой исследования (выборка, картографирование, обработка по словарям, систематизация лексических единиц); функциональный (раскрытие коммуникативно-эстетической роли наблюдаемых явлений в творчестве писателя); сравнительно-сопоставительный (соотнесение анализируемых явлений друг с другом в условиях всего пушкинского творчества); для количественной обработки данных использовались элементы статистического метода; в некоторых случаях в данной работе использовался этимологический и функционально-семантический анализ слов.

Кроме того, для решения поставленных задач в диссертации были задействованы элементы культурологического и текстологического анализа художественного текста.

Апробация работы. По теме научного исследования были сделаны доклады на Международной научной конференции «Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX – XX веках» (Н. Новгород, 1999); на Международной научной конференции, посвященной 85-летию проф. Б.Н. Головина (Н. Новгород, 2001); на Международной научной конференции «Владимир Даль и современная филология» (Н. Новгород, 2001); на Региональной научной конференции молодых ученых «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Н. Новгород, 2003); на Международной конференции «Русский язык в условиях интеграции культур: XXVI Распоповские чтения» (Воронеж, 2008); на XXXVII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2008); на III Всероссийской научной конференции «Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре» (Санкт-Петербург, 2008), на заседании кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова; работа обсуждалась на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Основные положения диссертации и результаты исследования нашли отражение в 9 публикациях, среди которых 3 тезисов и 6 статей.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, 5 приложений, представляющих собой «Словарь заимствованной лексики западноевропейского происхождения, встречающейся в языке А.С. Пушкина», таблиц и диаграмм, иллюстрирующих соотношение частотности употребления западноевропейизмов в различных жанрах и в отдельных произведениях, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее научная новизна и практическая значимость; определяются цели, задачи, объект, методы исследования; формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Заимствованная лексика западноевропейского происхождения и ее место в истории развития русского литературного языка первой трети XIX века» обзорно представляет теоретическую базу работы: в ней рассматриваются вопросы понимания терминов, связанных с проблемами заимствования, уточняются теоретические понятия, принятые в рамках данного исследования; дается краткая характеристика языковой ситуации первой трети XIX века, главным образом в аспекте заимствований; определяется место заимствованной лексики в лексической системе русского литературного языка первой трети XIX века; рассматривается вопрос об отношении А.С. Пушкина к заимствованной лексике в контексте общей стилистической реформы, осуществленной поэтом.

В § 1, посвященном общему пониманию проблемы влияния заимствованной лексики на развитие словарного состава языка, отмечается, что периоды интенсификации заимствования связаны, прежде всего, с факторами экстралингвистического характера и во многом «интересны с точки зрения не только сугубо лингвистической, но и историко-культурной»³, а сам процесс заимствования – «это процесс по преимуществу творческий, активный, предполагающий высокую степень самобытности усваивающего языка, высокую степень его развития»⁴.

В § 2 рассматриваются некоторые теоретические вопросы заимствования, в частности, представлен обзор различных классификаций заимствованной лексики, специфика которых в большинстве случаев определяется смысловым объемом самого понятия «заимствование» и особенностями понимания проблемы адаптации входящих единиц.

³ Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике: Учебное пособие для спецкурсов. – Красноярск: КГПИ, 1993. С.3.

⁴ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30 – 90-е гг. XIX века. – М.; Л.: Наука, 1965. С.174.

В рамках данного исследования под *иноязычным словом* вслед за А.Д. Васильевым⁵ понимается «слово иноязычного происхождения, как уже заимствованное (т.е. освоенное), так и только входящее в русский язык», под *заимствованным словом* – «элемент чужого языка, вошедший в лексико-семантическую систему языка-реципиента».

Под *западноевропеизмами* понимаются галлицизмы, германизмы и англицизмы, которые, в свою очередь, представляют собой слова, заимствованные из французского, немецкого и английского языков соответственно. Под *вкраплениями* понимаются языковые элементы, оформленные в графике языка-источника и использующиеся обычно билингвом.

Подчеркнем, что в работе исследуются только лексические западноевропеизмы; не рассматриваются семантические кальки, а также явления синтаксического уровня. Не включаются в поле зрения и вкрапления, кроме случаев специально оговариваемых.

Поскольку проблема источника заимствования и времени вхождения слова в язык является весьма значимой и нередко трудно разрешимой в науке, в данном параграфе уделяется внимание краткому обзору работ, посвященных заимствованной лексике, пришедшей из какого-либо конкретного языка – немецкого, французского, английского (В.М. Аристова, С.А. Беляева, Н.В. Габдреева, Г.Л. Зеленин).

Предпринятая в работе попытка рассмотреть заимствования в языке Пушкина не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом контексте обусловила обращение в рамках данного параграфа к исследованиям, посвященным вопросам влияния англоязычной, немецкоязычной и франкоязычной культур на русскую культуру в эпоху Пушкина (Н.Б. Имыкшенова) и проблеме заимствования в русле лингвострановедения (Т.Б. Новикова).

В § 3 рассматривается проблема заимствования в предпушкинскую и пушкинскую эпоху – век бурного развития новых экономических отношений, науки, политики, искусства, время активной языковой полемики.

Большинство исследователей сходится во мнении, что судьба заимствованных слов, функционировавших в XVIII веке, зачастую была сложной и запутанной. Однако «практически за каждым "новым" словом второй половины XVIII века обнаруживается целый комплекс меняющихся представлений, как собственно культурных, так и языковых», обусловленных «сложными процессами переориентации духовной жизни человека», «стремлением отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении»⁶.

В параграфе отмечаются характерные особенности функционирования лексики западноевропейского происхождения на рубеже XVIII – XIX веков: постепенное ослабление влияния французского языка, сменяющегося английским; активное пополнение тематических групп слов, обозначающих различные понятия в сфере общественной мысли, философии, психологии, политики, естественных наук (*антагонизм, классицизм, романтизм, феодализм* и др.), связанных с дворянским бытом: названия тканей, предметов одежды, головных уборов (*боа, боливар, вицмундир, жакет* и др.); вхождение наименований блюд, названий овощей, сортов вин (*бутерброд, пюре, кольраби, лафит, шабли, шнапс* и др.), обозначений различных танцев, игр (*экосез, гранпасьянс, талья* и др.), названий различных учреждений и заведений (*ресторан, лицей, кофейня* и др.); расширение группы слов, обозначающих лиц (по роду политической и

⁵ Васильев А.Д., Веренич Т.К. Динамика деэкзотизации заимствованной лексики в научно-лингвистическом и обыденном сознании (на материале англицизмов современного русского языка): Монография. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 71.

⁶ Об этом см., например, Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972; Калакуцкая Е.Л. Формирование стиля русской художественной прозы в конце XVIII – начале XIX вв. (Лексика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989; Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30 – 90-е гг. XIX века. – М.; Л.: Наука, 1965.

общественной деятельности: *демократ, либерал, памфлетер, революционер* и др.). Усиливается процесс освоения терминологической и специальной лексики иноязычного происхождения, которая стала активнее проникать в неспециальные контексты⁷. У заимствованной ранее лексики расширяются словообразовательные связи (*реалист, реальный – реализм* и др.). При наличии в русском языке эквивалента иноязычного слова нередко наблюдается их семантическая дифференциация (*пьедестал – подножие, оригинальный – подлинный* и т.д.). У ряда западноевропейизмов сохраняется вариативность (*графин – карафин, ипохондрия – гипохондрия, квартира – квартера* и др.), однако тенденция к устранению вариативности проявляется все более отчетливо, получает свое решение проблема выбора из множества вариантов тех, которые признаются более правильными и более употребительными.

§ 4 призван сконцентрировать внимание на специфике слова в художественном тексте и содержит наиболее важные для данного исследования положения о том, что «...язык художественной литературы, развиваясь в историческом "контексте" литературного языка народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением», поэтому при анализе художественного произведения «выступает задача уяснения и раскрытия системы речевых средств, избранных и отобранных писателем из общенародной языковой сокровищницы» (В.В. Виноградов). «Исследование текста как феномена употребления языка показывает установившуюся на определенном историческом этапе в той или иной общественной среде или той или иной сфере общения традицию отбора и употребления и, главное, организации языковых единиц в единое композиционное целое», следовательно, «план выражения» в художественном тексте должен восприниматься и анализироваться «в органической связи с планом содержания» (А.И. Горшков).⁸

В § 5 представлен краткий обзор работ, посвященных некоторым особенностям языка А.С. Пушкина, отношению писателя к проблеме заимствований.

Рассуждая о роли поэта в истории русского литературного языка, большинство ученых сходятся во мнении, что «Пушкин живет в современном языковом сознании», язык Пушкина – язык, содержащий «оптимальный выбор языковых форм» (О.Г. Ревзина), что «Пушкин каким-то необыкновенным, гениальным чутьем изнутри угадал сам ход литературного языка во времени, проник в этот ход своим творчеством. Причем это касается не только перспективы движения языка, но и его литературного отражения в ретроспективе» (В.А. Гречко)⁹.

В начале XIX века «вопрос о заимствовании – незаимствовании иноязычных элементов, употреблении – неупотреблении их был вопросом злободневным, актуальным, который необходимо было решать ежедневно – в частной и официальной переписке, устном общении, во всех областях словесного творчества».¹⁰ Пушкинское решение этого вопроса можно назвать принципиально историческим, неразрывно связанным с общей стилистической реформой, сформировавшейся в практике его художественного реалистического творчества.

Таким образом, сложность и огромная значимость для истории развития русского литературного языка пушкинского периода как периода, в который окончательно сложились нормы русского литературного языка, делают необходимым многоаспектное изучение функционирования лексики западноевропейского происхождения разной степени адаптации в языке Пушкина, в том числе с учетом культурно-исторического и

⁷ См., например, «Лексика русского литературного языка конца XIX – начала XX в.» / Отв. редактор Ф.П.Филин. – М.: Наука, 1981. С. 52.

⁸ Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. – М.: «Наука», 1983. С. 38;41.

⁹ Ревзина О.Г. Язык и время в пушкинском поэтическом тексте // Пушкин и поэтический язык XX века: Сб. статей, посв. 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – М.: Наука, 1999. С. 183; Опыт синонимического словаря А.С. Пушкина, ук. изд. С. 9.

¹⁰ Колосова Н.А. Французский язык в идейно-стилевой системе пушкинских произведений. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 21.

языкового фона первой трети XIX века. Существенно важными при этом оказываются вопросы: как меняется характер использования западноевропейизмов в произведениях поэта с течением времени; в какой мере пушкинское словоупотребление заимствованных единиц отражает особенности языковой ситуации указанного периода и какова «направляющая» роль сформировавшихся в творчестве поэта принципов отбора и употребления западноевропейизмов в дальнейшем развитии русского литературного языка.

Глава 2 – «Общая характеристика заимствованной лексики западноевропейского происхождения в языке Пушкина» – представляет количественное описание западноевропейизмов с элементами их качественного анализа (в том числе с учетом источника заимствования, степени ассимиляции, частеречной и тематической принадлежности; жанровой отнесенности, употребления в прямом и переносном значении).

В § 1 подчеркивается, что наличие в языке Пушкина слов западноевропейского происхождения можно объяснить, во-первых, самой языковой ситуацией первой трети XIX века, во-вторых, высокой образованностью Пушкина, его свободным владением несколькими иностранными языками, увлечением английской и французской литературой, его занятиями переводами с западноевропейских языков, его глубоким осознанием необходимости дальнейшего развития родного языка.

В «Словаре заимствованной лексики западноевропейского происхождения, встречающейся в языке Пушкина» (*Приложение 1*) отражены слова, восходящие к английскому, французскому и немецкому языкам, как языкам, имевшим наибольшее влияние на формирование русского литературного языка в описываемый период. При определении источника заимствования и времени его вхождения были использованы материалы словаря XVIII века, этимологических, исторических, историко-этимологических словарей, словарей иностранных слов таких авторов, как Н.М. Яновский, П.Я. Черных, М. Фасмер, Л.П. Крысин и др.; также для этих целей привлекались данные трудов, монографий и диссертационных исследований по исторической лексикологии и лексикографии¹¹. На основе анализа указанных источников в параграфе дается краткий очерк истории появления в русском языке некоторых включенных в словарь западноевропейизмов (*альбом, бакенбарды, боа, бомонд, брошюра, вуаль, магазин, партизан и т.д.*).

подавляющее большинство имеющих место в языке Пушкина заимствований (примерно 93%) активны и в современном русском языке (*агент, адрес, авангард, авторитет, вальс, инвалид, импровизатор, индивидуальность* и т.д.). Около 7 % слов (у Пушкина количество их словоупотреблений около 330) имеют пометы *архаизм* или *историзм* (*фрейлина, форрейтор, физжмы, пукли, оператор, нервический, куртина* и т.д.). Причем некоторые из них устарели только в отдельных значениях (например, *организация* в значении *психофизическая конституция отдельного существа; паранет* в значении *прикрытие, защищающее от поражения пулями*), другие – во всех зафиксированных в языке Пушкина значениях (например, *капот* в значениях *женская домашняя одежда широкого покроя и пальто особого свободного покроя; панталоны* в значении *брюки*).

Обращают на себя внимание способы введения заимствований, которые во многом совпадают со способами введения вкраплений. Однако пояснений или комментариев к заимствованным словам, чаще встречающихся в собственных примечаниях автора к произведению или в письмах, меньше («**дистрикт** (уезд) Оренбургский, и Яицкой

¹¹ Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Указ.соч.; Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – М.: 1999; Габдреева Н.В. Теория и практика изучения французских заимствований (на материале переводов французской литературы конца XVIII – начала XIX вв.). – Казань, 2001; Николеску А.К. Заимствования романского происхождения в русском языке [Электронный ресурс]: Дис. к.филол.н. – М., 2005 и др.

городок» [9: 10]¹²; «Они ужасный **мове-тон**, как говорит Гоголь, т.е. хуже нежели мошенники» [16: 114]). Показательно, что в качестве поясняющего может выступать слово, вошедшее в русский язык раньше. Западноевропейизм может быть выделен особо (в печатном варианте – курсивом): «Это смирение чрезвычайно ново на театре, хоть кому из нас не случилось *конфузиться*, слушая ему подобных кающихся?» [13: 144]; «Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают – и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*» [15: 72]; «Недуг, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому *сплину*, Короче: русская *хандра* Им овладела понемногу» [6: 21]. По всей видимости, такое введение слова давало возможность акцентировать его новизну, экзотичность и, кроме того, указать на дополнительные смысловые оттенки, подчеркнуть тот смысл, который известен ограниченному кругу людей и т.д.

Некоторые западноевропейизмы, встречающиеся в языке Пушкина, соотносимы с русскими лексемами, семантически им эквивалентными: *анахорет* (3) – *отшельник* (19), *аромат* (5) – *благоуханье* (3), *атака* (2) – *нападение* (48), *вояжер* (1) – *путешественник* (30) и т.д. Таких эквивалентов может быть несколько, ср. *дуэль* (14) – *поединок* (28) – *смертоубийство* (2), *гаер* (2) – *скоморох* (7) – *шут* (27). Нельзя сказать, что в языке Пушкина предпочтение отдается безоговорочно русскому синониму. Однако в подавляющем большинстве выбор того или иного слова определяется стилистическими и/или коммуникативными задачами, которые решает автор. Более того, одновременное использование таких слов может быть очень значимым для выражения авторской позиции, для характеристики героя и т.д. Случаи функционирования синонимичных западноевропейизмов единичны: *бивак* – *лагерь*, *кникс* – *реверанс*, *хирург* – *оператор*, *бал* – *ассамблея*. Как правило, такие слова различаются стилистически и/или употребляются для характеристики различных исторических периодов.

Имеют место и омонимичные образования: *маркиза* (женск. к *маркиз*), *маркиза* (навес, занавес для защиты от солнца) – и то, и другое французского происхождения; *курс* (ступень обучения), *курс* (сравнительная стоимость денежных знаков), первое из немецкого, второе из немецкого или французского; *комиссия* (временный или постоянный орган, учреждённый для решения и исполнения специальных задач и поручений), *комиссия* (поручение), источник один; *патрон* (покровитель), *патрон* (заряд для ручного огнестрельного оружия или бумажная трубка для такого заряда), оба из немецкого и т.д.

§§ 2 – 7 посвящены более детальной, статистически подкреплённой характеристике западноевропейизмов в языке Пушкина.

В процентно-количественном соотношении картина употребления иноязычной лексики в языке Пушкина выглядит следующим образом. Всего в «Словаре языка Пушкина» было обнаружено **1380 слов** западноевропейского происхождения с общим количеством словоупотреблений **≈12 900** (≈**6,5%** от общего количества слов, зафиксированных в «Словаре языка Пушкина», с учетом словоупотреблений **≈2,4%**).

Решение проблем, связанных с этимологией отдельных слов, не входило в задачи данного исследования, а источник заимствования и хронологическая атрибуция слов устанавливались на основе анализа материалов целого ряда словарей и отдельных работ по исторической лексикологии и лексикографии, указанных выше. Распределение лексики по языку-источнику вполне объясняется самой языковой ситуацией первой трети XIX века. Галлицизмы составляют **≈52%** от общего количества непроемных единиц лексики западноевропейского происхождения (с учетом словоупотреблений **≈46%**). По тематической принадлежности в основном это слова, относящиеся к аристократическому быту, некоторые выражают понятия, связанные с искусством, театром, литературой, политикой, общественными науками. Время заимствования – с начала XVIII века до первой трети XIX: *корсет* – начало XVIII века; *карантин*, *карикатура*, *кокетка* – с середины XVIII века; *инвалид* – с 70-х годов XVIII века; *костюм* – с конца XVIII – начала

¹² Здесь и далее при указании источника пушкинского текста указывается том и страница по ПСС А.С. Пушкина в 16 т. (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1949).

XIX века; *дипломат, паркет* – с начала XIX века; *капот* – с первой половины XIX века и т.д.

Германизмы составляют $\approx 40\%$ (с учетом словоупотреблений $\approx 39\%$); чаще всего это военная и административная лексика, слова, относящиеся к научной сфере, обозначающие лиц по их социальному статусу и т.д. Большой частью германизмы, встречающиеся в языке Пушкина, появились в русском языке в Петровскую эпоху, однако есть заимствования и нового времени – последняя четверть XVIII – начало XIX веков (*бакенбарды, бинт, графин* – в данном варианте, *диалектика, картофель, кандитор, легенда, ломбард, оргия* и т.д.). Следует отметить довольно высокую словообразовательную активность галлицизмов и германизмов.

Англицизмов было обнаружено $\approx 3,6\%$ (с учетом словоупотребления $\approx 4,8\%$); чаще они называют, подобно галлицизмам, реалии аристократического быта. Как сами англицизмы, так и их дериваты характеризуются низкой частотностью словоупотребления. Для ряда западноевропейизмов не удалось однозначно установить происхождение. В большинстве случаев это интернационализмы.

Распределение западноевропейизмов по частям речи показывает преобладание предметной лексики, что естественно для общего процесса заимствования и соответствует принципам поэта в отношении к иноязычным единицам: включать в лексикон только те слова и выражения, которые расширяют предметно-понятийную сферу русского языка.

Тематическое распределение западноевропейской лексики в языке Пушкина напрямую связано с особенностями воспроизведения и отражения в его произведениях культурно-языкового фона первой трети XIX века.

В тематическом отношении используемые Пушкиным западноевропейизмы служили обогащению русского языка: вносили новые понятия, отражавшие развитие русского общества (если говорить о словах, вошедших в язык в начале XIX века), и способствовали созданию атмосферы описываемой исторической эпохи (если говорить о словах, вошедших в употребление в XVII – XVIII веках).

В языке Пушкина нашли отражение западноевропейизмы, стоявшие на разных ступенях ассимиляции. В частности, почти 8 % слов западноевропейского происхождения встречается в текстах поэта в вариативном написании (*клуб* (23) – *клуб* (6), *фрунт* (8) – *фронт* (3), *фрейлена* (9) – *фрейлина* (6), *фейерворок* (3) – *фейерверк* (2) и др.; в скобках указана частотность употребления вариантов). Имеют место и грамматические варианты (*комод* – *комода, зал* – *зала*; и др.). Иногда различные варианты используются Пушкиным с определенной стилистической целью. Например, среди вариантов *менуэт* – *менуэт* – *менавет* первые два употребляются в равноценных позициях, последний же строго закреплен за речевой характеристикой героя (Петра I). Свободное использование Пушкиным потенциала заимствованных слов различной степени адаптации, обусловленное глубоким чувством языка и великолепным знанием и пониманием основных законов его развития, зачастую способствовало утверждению этих слов в системе языка.

Различна словообразовательная активность западноевропейизмов и частотность употребления дериватов, которые имеет в среднем почти каждое второе слово западноевропейского происхождения, встретившееся в языке Пушкина. Анализ словообразовательных отношений указанных единиц в определенной мере показывает пути развития «метафизического языка», а сопоставление этих результатов с данными современных словообразовательных словарей позволяет понять характер изменений, произошедших в понятийной системе русского языка. Так, согласно данным этимологических словарей и/или словарей иностранных слов, слова *мизантроп* (фр. *misanthrope*), *мизантропия* (фр. *misanthropie*), так же, как и ряд других слов, пришли в русский язык по отдельности (иногда из разных языков), вместе с понятиями, ими обозначаемыми, и не были связаны отношениями производности, что имеет место в современном русском языке.

Очень неравномерно распределена лексика западноевропейского происхождения по жанрам (Таблица 1¹³), что в качественном отношении описано в главе 3 данной работы.

Таблица 1

	жанр	Общее количество западно-европеизмов	Соотношение с общим количеством западноевропейских	Общее количество словоупотреблений западноевропейских	Соотношение с общим количеством словоупотреблений западноевропейских
1	Лирика	475	34,5 %	1125	8,75%
2	Поэмы	118	8,58 %	286	2,3 %
3	«Евгений Онегин»	231	16,8 %	566	4,4 %
4	Проза	669	48,7 %	4054	31,4 %
5	Драматургия	60	4,4%	167	1,3%
6	Журнальные статьи, критические работы, автобиографические заметки	706	51,3 %	4148	32,4 %
7	Письма и деловые бумаги	557	40,5 %	2503	19,6 %

Среди прочих в работе рассматривается вопрос о характере использования западноевропейских, употребленных в языке Пушкина в переносных значениях. Наблюдения показывают, что в поэтических произведениях они чаще способствуют созданию поэтической образности, подталкивают к ассоциативному восприятию, создают смысловую компрессию текста; в прозе, критических статьях и письмах – служат средством максимально точной, «наглядной» характеристики героя (человека, о котором идет речь, или адресата), его действий, иногда – скрыто выражают его оценку; создают шутку, делают высказывание афористичным, публицистически заостренным; при индивидуально-авторском переосмыслении переносные употребления могут включать конкретно-историческое и/или биографическое содержание.

Пушкинское словоупотребление во многих случаях «направило» развитие переносного значения и/или закрепило его в русском литературном языке (*вассал, гаер, колоссальный, маскарад, нуль* и др.), поэтому его изучение помогает понять пути семантико-стилистического освоения слова в русском языке.

Таким образом, анализ имеющих место в языке Пушкина западноевропейских с точки зрения языка-источника, наличия вариантов, частеречной и тематической принадлежности показывает, что язык поэта в высокой степени отражает особенности языковой ситуации первой трети XIX века в плане функционирования указанных единиц, при этом нередко Пушкин проявляет, с одной стороны, смелость, с другой – строгую избирательность, что обусловлено стремлением расширить предметно-понятийную сферу русского языка при сохранении его национального своеобразия.

Глава 3 «Особенности функционирования заимствованной лексики западноевропейского происхождения в произведениях различных жанров» посвящена более подробному анализу употребления заимствованной лексики в отдельно взятых жанрах и в отдельно взятых произведениях. Изучение особенностей функционирования западноевропейских в пушкинских текстах, с учетом степени их ассимиляции в русском языке, тематической отнесенности и других характеристик, позволило обозначить общие принципы отбора и употребления этих единиц, выявить характер их стилистического использования в языке Пушкина.

Как показало исследование, в языке поэта, несомненно, есть особенности, связанные с отнесенностью произведения к тому или иному жанру: употребление западноевропейских в различных жанрах неоднородно и в большой степени зависит от коммуникативных и художественно-эстетических задач, которые решает автор; более того, поскольку принцип тематической предопределенности оказывается ведущим в целом ряде произведений, имеет место неравномерное распределение этих единиц внутри произведений. Наблюдаются некоторые закономерности в употреблении указанных единиц в зависимости от времени написания текстов: очевидна их эволюция. Функции западноевропейских многообразны в пушкинских текстах любых жанров.

¹³ Особенности употребления западноевропейских в сказках не рассматривались, поскольку имело место только 1 словоупотребление в прямом значении (*рюмка*).

Для функционирования западноевропеизмов в *лирике*, которой посвящен §2, характерны: относительная стабильность количественных показателей в разные периоды творчества и заметные качественные изменения в принципах использования этих единиц.

Преобладание анакреонтических мотивов в раннем творчестве Пушкина в определенной степени предопределяло появление западноевропеизмов особой тематики: *рюмка, студент, шампанское, штоф* и т.д. Количество их весьма незначительно и, главное, за исключением отдельных слов, все эти слова давно уже вошли в употребление и не ощущались как иноязычные. Часто западноевропеизмы здесь свободно сочетаются с античными именами, употребленными в символическом, аллегорическом значении и/или с различными модификациями значений, причем нередко они оказываются подчеркнутыми рифмой, как, например, в стихотворении «К Наталье». В ранней лирике слова западноевропейского происхождения могут называть предметы – символы аристократического быта (*бронза, паркет, кабинет*), характеризовать образ жизни героя (*философ ленивый*) или общество (*модный свет*). Как правило, уже в лицейских стихотворениях шуточный или иронический тон создается не без помощи указанных единиц. Нельзя сказать, что в ранних стихотворениях такое использование западноевропеизмов – устойчивый прием, скорее здесь играет роль популярность многих из указанных слов, их коммуникативная актуальность, однако важен тот факт, что они практически отсутствуют в произведениях, связанных с размышлениями о жизни, о судьбе (даже в таком, казалась бы, заданном для западноевропеизмов стихотворении, как «Наполеон на Эльбе», 1815 г., встречается только одно западноевропейское по происхождению слово, давно освоенное, в составе метафоры «**факел** мщенья», которую Н.А. Мещерский называет «стилистическим атрибутом классицизма»¹⁴).

В плане создания метафор и сравнений в ранней лирике западноевропеизмы и их дериваты не проявляют активности. Практически не наблюдается здесь и нарушения сочетаемости слов с целью расширения их семантического объема, которое станет одной из характерных черт более позднего творчества Пушкина (единичные примеры связаны с реализацией образно-оценочного значения: «Нет! в тихой Лете он [Сумароков] потонет молчаливо, Уж на челе его забвения печать, Предбудущим векам что мог он передать? Страшилась Грация **цинической свирели**, И персты грубые на лире костенели» [1: 194]).

Одна из главных задач Пушкина с середины 20-х до начала 30-х годов – создание поэзии, «освобожденной от условных украшений стихотворства». Использование возможностей «нагой простоты» – с одной стороны и расширение тематики самих стихотворных жанров – с другой ведет, в том числе, и к тематическому расширению привлекаемой западноевропейской лексики.

Для позднего периода творчества при увеличении количества функций заимствованных слов уже характерна строгая дифференциация в употреблении западноевропеизмов. Так, в произведениях философской направленности такой лексики или ничтожно мало, или она подчинена конкретным художественным задачам (служит своеобразным символом образа жизни: «Долго ль мне в тоске голодной Пост невольный соблюдать И телятиной холодной **Трюфли** Яра поминать?» [3: 177]; становится способом выражения самоиронии: «Я мещанин, как вам известно, И в этом смысле **демократ**» [3: 427]; является дополнительным средством выражения авторской оценки, зачастую нравственной: «Мне жаль ... Что **геральдического** льва **Демократическим** копытом Теперь лягает и осел» [3: 428] и т.д.). Подчеркнутая прозаичность при использовании этих слов (вплоть до кулинарных советов: «Поднесут тебе **форели!** Тотчас их варить вели, Как увидишь: посинели, -- Влей в уху стакан **шабли**» [3: 34]) сочетается с философичностью, что характерно для всего позднего творчества Пушкина. Западноевропеизмы начинают

¹⁴ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С.195.

активнее включаться в отношения контекстуальной синонимии и антонимии, при этом рождая различные смысловые оттенки.

По сравнению с ранней лирикой здесь на порядок больше прилагательных, которые либо непосредственно пришли из западноевропейских языков, либо были образованы уже на русской почве: *лакейской, литературный, манерный, модный, моральный, пурпурный, сатирический* и т.д. («О ты, который сочетал С глубоким чувством вкус толь верный, И точный ум, и [слог примерный], [О, ты, который] избежал [Сентиментальности] **манерной**» [3: 85]; «Я не люблю альбомов **модных**: Их ослепительная смесь Аспазий наших благородных Провозглашает только спесь» [3: 105]). Это, с одной стороны, указывает на активное освоение западноевропеизмов (если речь идет о дериватах), с другой – на освоение различных качественных оценок, выражаемых через заимствованное прилагательное. Однако в любом случае можно говорить о расширении понятийной сферы русского языка в данный период.

Увеличивается количество таких словоупотреблений, за которыми стоит конкретный биографический или реально-исторический смысл, данный только намеком. Причем при незнании этого смысла стихотворение тоже может быть истолковано вполне адекватно, но недостаточно полно (ср.: «Смеясь жестоко над собратом, Писаки русские толпой Меня зовут **аристократом**. Смотри, пожалуй, вздор какой!» [3: 261]).

Таким образом, употребление западноевропеизмов в лирике отличают следующие закономерности: от раннего творчества к позднему заметно увеличивается их функциональная нагрузка, расширяются тематические группы привлекаемой лексики, т.е. меняется качественное употребление при сохранении количественных показателей.

Распределение западноевропеизмов по отдельным *поэмам*, которым посвящен §3, весьма неодинаково. Особняком стоит «Граф Нулин» – поэма, самая насыщенная западноевропеизмами, которые в подавляющем большинстве относятся к лексике, обозначающей реалии дворянского быта: *веер, брошюра, графин, жилет, капот, корсет, лорнет* и т.д. Здесь уже заметен принцип концентрации западноевропеизмов: в наибольшем количестве (причем вкуче с вкраплениями) они появляются еще до того, как граф оказался в доме Натальи Павловны, но, несомненно, в связи с ним: «Наталья Павловна спешит Взбить пышный **локон, шаль** накинуть» [5: 6], ожидая, появления графа Нулина, который в «чужих краях» промотал «в вихре **моды** Свои грядущие доходы» и «себя казать, как чудный зверь, В Петрополь едет он теперь С запасом **фраков и жилетов, Шляп, вееров, плащей, корсетов, Булавок, запонок, лорнетов, Цветных платков, чулков à jour, С ужасной книжкой Гизота, С тетрадью злых карикатур, С романом** новым Вальтер-Скотта, С *bon-mots* парижского двора» [5: 6–7] и т.д. Как и в «Евгении Онегине», такое скопление создает явно комический эффект. Но и описание Натальи Павловны, вернее, ее воспитания и обычных занятий тоже не лишено западноевропеизмов: воспитывалась она «в благородном **пансионе У эмигрантки Фальбала**», а читает «четвертый том **Сентиментального романа**». Однако, в отличие от романа в стихах, в «Графе Нулине» практически все западноевропеизмы употреблены в прямом значении и не отличаются нарушением лексической сочетаемости. Основная их функция – характерологическая.

При одинаковых количественных показателях совершенно различны по характеру использования западноевропеизмы в «Домике в Коломне» и в «Медном всаднике», что вполне естественно, если учитывать стилистику указанных произведений, а также их композиционные особенности и способы выражения авторской позиции.

В текстах поэм появление западноевропеизма, так же, как и в некоторых прозаических произведениях, может стать своего рода знаком авторского голоса, чаще в развернутых сравнениях (ср. в «Руслане и Людмиле»: «Так иногда среди нашей **сцены** плохо питомец Мельпомены Внезапным свистом оглушен, Уж ничего не видит он, Бледнеет, **ролю** забывает, Дрожит, поникнув головой» [4: 45 – 46]; в «Графе Нулине»: «Так иногда лукавый кот, **Жеманный** баловень служанки, За мышью крадется с лежанки»

[5: 10]). В «Домике в Коломне» голос автора (в тексте самой поэмы) «прорывается» в отрывке, связанном с появлением графини, представительницы совсем иного мира, чем Параша и ее мать: «**Графиня** же была погружена В самой себе, в волшебстве **моды** новой» [5: 89], далее идет семантический и синтаксический галлицизм: «Она казалась хладный **идеал** Тщеславия» [там же], чуть ниже: «**мода** ей несла Свой **фимиам**» [там же]. Но... мир графини не дает ей счастья: «Блаженнее стократ ее была, Читатель, новая знакомка ваша, Простая, добрая моя Параша» [там же].

Как показало исследование, поэмы, в отличие, прежде всего, от «Евгения Онегина», не дают многочисленных примеров использования западноевропеизмов в несвойственных им контекстах, за счет чего наслаивались бы какие-то оттенки смысла, появлялись бы смысловые приращения. Но в поэмах, уже начиная с самых ранних отрывков, постепенно формируется принцип строгого соответствия использования этих единиц тематической организации текста и развивается прием их нагнетания с целью создания характеристики героя или общества. Таким образом, поэмы наиболее наглядно показывают эволюцию двух очень важных в пушкинском творчестве приемов использования лексических единиц западноевропейского происхождения и принципов их отбора.

Вопрос функционирования иноязычной лексики в романе «*Евгений Онегин*» оказывался в центре внимания многих исследователей (В.В. Виноградов, Г.А. Гуковский, А.И. Горшков, Н.А. Колосова, М.В. Кашковская, Е.В. Савина и др.). В данной работе акцент был сделан именно на западноевропеизмах. В «Евгении Онегине» были практически разработаны, т.е. в полной мере реализованы, принципы отбора и употребления этих единиц.

Подчиненность западноевропеизмов художественным задачам текста и в первую очередь тематическому принципу наглядно отображает таблица 2.

Таблица 2

	количество слов	% по отношению к общему количеству западноевропейских заимствований	% по отношению к общему количеству западноевропеизмов в романе	количество словоупотреблений западноевропеизмов	% по отношению к общему количеству словоупотреблений западноевропейских заимствований	% по отношению к общему количеству словоупотреблений западноевропеизмов в романе	% по отношению к общему количеству словоупотреблений в главе
Глава 1	68	4,95	29,69	104	0,8	18,7	3,97
Глава 2	26	1,9	11,35	36	0,2	6,47	1,96
Глава 3	17	1,24	7,4	28	0,22	5,04	1,24
Глава 4	30	2,2	13,1	45	0,35	8,09	2,23
Глава 5	40	2,9	17,47	55	0,43	9,89	2,78
Глава 6	24	1,75	10,48	37	0,29	6,65	1,8
Глава 7	44	3,2	19,21	56	0,43	10,07	2,37
Глава 8	44	3,2	19,21	64	0,5	11,51	2,4
Примечания	17	1,24	7,4	32	0,25	5,76	5,9
Отрывки из путешествия Онегина	16	1,16	6,99	21	0,16	3,78	2,49
Отрывки из 10 главы	6	0,44	2,62	6	0,05	1,08	2

Однако преобладание западноевропейской лексики той или иной тематической группы / групп (и качественное, и количественное) наблюдается и в отдельных эпизодах, фрагментах «Евгения Онегина». Так, практически нет заимствованной лексики в тех лирических отступлениях, которые носят глубоко личный характер, дают представление о внутреннем мире автора и при этом не содержат иронии (это, вероятно, говорит о том, что заимствования не захватывают глубинных сфер жизни русского человека). Можно увидеть некоторые закономерности в употреблении указанных единиц при характеристике отдельных героев, при описании жизни того или иного общества, что и становится предметом детального описания § 4 данной главы.

Особое внимание уделяется контекстному окружению западноевропеизмов, которое реализует гораздо больше смыслов и значений, чем это зафиксировано в словарях не только пушкинского, но и нашего времени (в т.ч. и в «Словаре языка Пушкина», где,

например, очень частотное в тексте романа слово *модный* определяется как *следующий моде, падкий на все модное, на новизну*, т.е. практически без учета культурологического контекста, а следовательно, без смысловых культурологических приращений, значимых для читателя).

Анализ лексики западноевропейского происхождения в романе «Евгений Онегин» показывает, что А.С. Пушкин, в 1827 г. теоретически провозгласивший принцип «соразмерности и сообразности», мастерски реализовал его в своем произведении. Иноязычное слово органично вписывается в пушкинский текст, равно как и слово исконное, подчиняясь процессу рождения новых смыслов, индивидуальных, авторских словоупотреблений; не только является номинацией какого-то явления, понятия, предмета, но зачастую содержит в себе и культурологический компонент, который создает подтекстовое пространство романа.

По сравнению с другими жанрами *проза* (художественная, историческая) наиболее «общежительна» и «конкурирует» только с журнальными статьями и заметками. Отдельные слова оказываются «закрепленными» в языке произведений Пушкина только за прозой и даже за отдельным произведением: *батальон-каре* (8 словоупотреблений), *бригада* (10), *генерал-фельдмаршал* (13), *гренадер* (24), *импровизация* (4), *команда* (17), *коридор* (6), *лие/лиё* (5 – только в «Записках Моро де - Бразе»), *марш* (5), *менуэт* (5), *пикет* (6), *робронд/роброн* (4), *стиль* (5 – только в «Записках Моро де - Бразе»), *фланг* (23), *ширмы* (5 – только в «Пиковой даме»), *эскадрон* (15) и т.д.

Наиболее частотные западноевропейизмы, употребленные в прозаических произведениях А.С. Пушкина, в тематическом отношении не выходят за рамки обозначения наиболее важных предметов и понятий действительности, характеризующих жизнь дворянства первой трети XIX века. Это слова, относящиеся к военной терминологии: *генерал* (292 – 229), *офицер* (192 – 152), *лагерь* (127 – 116), *комендант* (104 – 100), *армия* (99 – 91), *солдат* (114 – 90), *капитан* (66 – 55) и т.д.; слова, обозначающие лиц по социальному статусу: *граф* (368 - 141), *графиня* (159 – 108), *дама* (192 – 84), *барон* (124 – 54) и т.д.; слова, относящиеся к литературе и журнальной деятельности: *поэт* (455 – 34), *роман* (170 – 34), *критика* (184 – 22) и т.д.; слова, называющие части помещения, особенности его оформления: *диван* (25 – 16), *зала* (70 – 37), *кабинет* (66 – 22), *квартира* (33 – 18) и т.д.; слова, относящиеся к театральной сфере, искусству: *импровизатор* (27 – 26), *портрет* (65 – 22), *публика* (191 – 22); активно употребляются относящиеся к различным тематическим группам слова *экипаж* (45 – 33), *мундир* (48 – 25), *бал* (151 – 32), *министр* (59 – 20), *мода* (84 – 19), которые связаны с основными понятиями, предметами и явлениями действительности.

Одновременно в текст произведения включается максимально 3-4 тематических группы заимствований (обычно 1-2). Их смена в тексте произведения может, например, сопровождать смену повествователя/рассказчика.

Принцип строгой зависимости употребления западноевропейизмов от предмета изображения, тематики глав, отношения к героям и описываемым событиям нашел отражение в подавляющем большинстве прозаических произведений (имеется в виду художественная проза), что в количественном проявлении можно увидеть в фрагменте таблицы 3.

Таблица 3

произведение	количество западноевропейизмов в прозаическом произведении	% по отношению к общему количеству западноевропейизмов в языке Пушкина	количество словоупотреблений западноевропейизмов в прозаическом произведении	% по отношению к общему количеству словоупотреблений западноевропейизмов	% по отношению к общему количеству словоупотреблений в произведении
1. Арап Петра Великого	78	5,7	184	1,4	2,53
2. Барышня-крестьянка	49	3,6	73	0,6	1,7

3.	Выстрел	44	3,2	117	0,9	4,09
4.	В начале 1812 г.	4	0,3	4	0,03	4,65
5.	Гробовщик	22	1,6	33	0,3	2,1
6.	Дубровский	87	6,3	183	1,4	1,13
7.	Египетские ночи	58	4,2	150	1,7	5,8
8.	Записки молодого человека	13	0,9	17	0,1	2,94
9.	Записки Моро де-Бразе	147	10,6	911	7,1	7,4
10.	История Пугачева	152	11	685	5,3	2
11.	История села Горюхино	55	4	78	0,6	2,16
12.	Капитанская дочка	122	8,8	462	3,6	1,8
13.	Метель	21	1,5	25	0,2	0,94
14.	Надинька	4	0,3	4	0,03	4,3
15.	Пиковая дама	98	7,1	266	2,1	4,7
16.	Путешествие в Арзрум	98	7,1	315	2,4	3,25
17.	Роман в письмах	69	5	109	0,8	3,62
18.	Рославлев	45	3,3	62	0,5	2,5
19.	Станционный смотритель	32	2,4	42	0,4	1,55

§5 данной главы посвящен детальному анализу количественно-качественного соотношения западноевропейизмов в прозаических текстах и выявлению их стилистической функции. В качестве примера приведем несколько наблюдений.

Созданию «Капитанской дочки» предшествовала кропотливая работа над «Историей Пугачева», и можно было бы предположить какие-то значительные качественные отличия между историческим трудом и художественным произведением на ту же тему в плане использования западноевропейизмов. Однако наблюдения показывают, что произошло только некоторое количественное перераспределение этих слов, в основном за счет сокращения военной лексики; практически одинаков характер сочетаемости западноевропейизмов (что обусловлено употреблением слов для обозначения конкретных реалий). Но меняется набор наиболее частотных слов: в «Истории Пугачева» (в порядке убывания) – *солдат, лагерь, императрица, граф, батарея, майор*, в «Капитанской дочке» – *комендант, генерал, офицер, солдат, комендантша, капитан, комендантской*. Это показывает характер переосмысления исторического материала.

В «Повестях Белкина» наибольшей концентрации западноевропейизмы достигают в «Выстреле». Функции их весьма разнообразны: они обозначают предметно-бытовые реалии, создающие определенный колорит повествования, участвуют в создании сложнейшей системы взаимоотношений автор – рассказчик – издатель – герой, являются средством характеристики героя, его образа жизни, мировоззрения и т.д., т.е. в тексте произведения зачастую получают особую смысловую нагрузку. В «Метели» – повести, пародирующей романтическую ситуацию, но очень душевной, – заимствований чуть ли не меньше всего. В части «От издателя» создается образ Ивана Петровича Белкина – человека недостаточно просвещенного, в значительной степени наивного, далекого от высшего света, хотя и знакомого, например, с подполковником И.Л.П. Здесь тоже западноевропейизмов практически нет. В «Барышне-крестьянке» заимствованная лексика может здесь восприниматься как своего рода сигнал проявления скрытой позиции автора и, наряду с другими элементами структуры текста, вступать в игру – мистификацию, игру – пародию: «**англоман** выносил **критику** столь же нетерпеливо, как и наши **журналисты**», – конечно же, слова Пушкина, отношение которого к «румяным критикам» общеизвестно.

Особое внимание при анализе функционирования лексики западноевропейского происхождения было уделено сопоставлению черновых и окончательных вариантов, поскольку именно в прозе оно дало наиболее интересные результаты, наглядно показало сам процесс отбора и употребления автором указанных единиц.

Некоторые слова западноевропейского происхождения или их дериваты встречаются в пушкинских прозаических текстах только в черновых вариантах, причем не только в прямом, но и в переносных значениях. Например, в одном из вариантов «Дубровского» Верейский говорит «не с условленным языком картинных **ремонтёров**» [8 (2): 813]. Возможно, одной из причин отказа от этого слова был факт появления еще не зафиксированного в то время словарями нового значения у слова *ремонт*. По тем или

иным причинам не включенным в тексты основных редакций оказывается целый ряд слов: *амбразура*, *аукционный*, *батарейный*, *гардероб*, *гильдия*, *магазин* и т. д., что составляет около 3% всех западноевропейизмов в языке Пушкина. Многочисленны колебания в выборе вариантов одного и того же слова, обусловленные тем, что значительная часть западноевропейских заимствований, употребленных в прозаических произведениях Пушкина, еще не была полностью ассимилирована (*фельд-егеря* – *фельдъегаря*, *цензурного* – *ценсурного*, *антрсоли* – *антресоли*, *апелляционный* – *апелляционный*, *эффект* – *эффект* – *ефект*, *контрмина* – *контрамина*, *театр* – *феатр*, *каманда* – *команда*, *пасьянс* – *пасианс* и т. д.); нередко сопоставление черновых и окончательных редакций дает в определенной мере возможность проследить процесс орфографического оформления заимствованного слова. Важно, что Пушкин подбирает слова не только адекватные по содержанию, но и в большей мере, по его мнению, соответствовавшие по степени адаптации описываемому времени и/или более ярко характеризовавшие речевые особенности героя. Так, в черновом автографе «Арапа Петра Великого» в соседних абзацах находим: *менуэт* – *менует*, во второй редакции – *менавет* [8 (2): 528; 529] (важно, что слово встречается в косвенной речи, которой передаются слова Петра; вариант *менавет* в пушкинское время воспринимался уже как явно устаревший).

Следует отметить две противоположных тенденции в характере производимых замен. Одна проявляется, например, в неоконченном романе «Дубровский»: при невысоком проценте употребления заимствованной лексики (1,13%) наблюдаются довольно многочисленные замены, обусловленные различными причинами. Другую, противоположную тенденцию нетрудно заметить в произведениях, где основная функция заимствованной лексики номинативная: чрезвычайно малое количество значимых замен при достаточно большом относительном количестве западноевропейизмов в окончательной редакции. Прежде всего, это касается прозы исторической, которая в плане использования заимствованных слов между беловыми/черновыми вариантами автографов и окончательным вариантом принципиально отличается от прозы художественной именно качеством производимых замен. Показательно, что чаще всего в исторических произведениях западноевропейизмы, имеющие синонимы в русском языке (*армия* – *войско*, *поход* – *кампания*), заменяются ими (равно как и наоборот) лишь с целью избежать повтора («Сей **армии** было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками... / с их **войск** было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками...»; «во второй поход / во втору<ю **кампанию**>» [10: 418], тогда как в художественной прозе это может оказаться обусловленным художественными задачами автора, например, для выражения дополнительных смыслов (авторское отношение, состояние героя, ср.: «Говорят о моей любви на своем холопском языке!.. / б. говорят о моей любви на своем **лакейском** языке [8 (2): 954] – снимается ненужная эвфемизация, более глубоко передается внутреннее состояние героя).

Выбор того или иного слова мог быть в значительной мере обусловлен характером имевшихся ассоциативных связей. В художественном тексте актуализация этих связей могла способствовать выражению отношения автора к герою, направлять движение мысли читателя. Так, в окончательном варианте «Метели» в эпизоде объяснения Марьи Гавриловны и Бурмина читаем: «Она приуготовляла развязку самую *неожиданную*». В черновом варианте – «она приготовляла ему изъяснение самое **романическое**» [8 (2): 619]. Казалось бы, по первоначальному описанию Марьи Гавриловны («была воспитана на французских романах») «изъяснение самое романическое» было бы вполне логичным, однако, если принять во внимание общий ход развития идеи произведения (жизнь гораздо насыщеннее и интереснее любого романа), замена оказывается понятной и необходимой.

Варианты беловых и черновых автографов демонстрируют определенную смелость Пушкина в использовании заимствованной лексики с точки зрения развития у западноевропейизмов новых значений или оттенков значений, причем не только у тех слов, которые входили в русский язык в начале XIX века, но и у слов, функционировавших на

протяжении XVIII века. Однако не всегда результат такого эксперимента принимался самим поэтом (ср., например, в «Гробовщике»: в одном из черновых вариантов: «гробовой **гардероб**», в окончательном варианте: «давний запас гробовых нарядов» [8 (2): 626] – слово *гардероб* зафиксировано в «Словаре XVIII века» с указанием 1741 г., в варианте *гардероба* – 1711).

Некоторые замены в вариантах авторской правки обладают относительной устойчивостью: *слуга* ↔ *лакей*; *французский роман* ↔ *французская книга*, *армия* ↔ *войско* и др. Такая замена может быть обусловлена употреблением слов как абсолютных синонимов – в случаях, когда необходимо избежать повтора, но есть примеры, когда использование западноевропеизма/незападноевропеизма помогает снять ненужные ассоциации (ср.: в «Арапе Петра Великого» Корсаков первоначально держит в руках «французский роман» (для читателя первой трети XIX словосочетание имело довольно устойчивые ассоциации), в окончательной редакции – «французскую книгу» [8 (2): 509]) или слово становится одним из средств характеристики героя и/или авторской оценки.

Таким образом, к факторам, в наибольшей степени влиявшим на выбор того или иного слова и/или его варианта можно отнести стремление Пушкина найти наиболее точное наименование предмета, явления действительности; наиболее емко охарактеризовать героя или ситуацию (при этом часто в эту характеристику вкладывается авторская оценка); учет традиции употребления слова; попытку расширить его сочетаемостные возможности путем включения в несвойственные слову контексты (преимущественно художественная проза). В вариантах еще более вырисовывается зависимость использования западноевропеизмов от тематики, проблематики, образной системы произведения, позиции автора. Кроме того, при сопоставлении вариантов авторской правки между собой и окончательным текстом более рельефно проступают функции западноевропеизмов: участие в стилизации, создание речевой и/или психологической характеристики героя, создание портрета общества, выражение авторской позиции и т. д. При выборе слова Пушкин учитывает не только его значение, но и такие факторы, как вариант графического и/или грамматического оформления, «узнаваемость» слова читателями-современниками и т. д.

Замен, связанных с западноевропеизмами, в вариантах авторской правки не так уж и много, и это свидетельствует, прежде всего, о глубоком чувстве языка у Пушкина, великолепном знании лексико-семантического наполнения этих единиц, понимании, может быть, интуитивном, семантико-стилистического потенциала слова. В тех же случаях, когда в вариантах отражается поиск слова, замена одной единицы на другую, чаще всего это оказывается значимым с художественной точки зрения. Сопоставление вариантов авторской правки в определенной мере дает представление о стилистической адаптации заимствованного слова, его приспособлению к выражению тонкостей авторского замысла. Иными словами, мы видим, как оттачивается значение западноевропеизма и как утверждается его место в семантико-стилистической системе русского языка.

Особенности функционирования западноевропеизмов в *драматических* произведениях Пушкина рассматриваются в §6. Как и в исторической прозе, воспроизводя события прошлого («Борис Годунов»), Пушкин руководствуется разрабатываемыми им принципами исторической стилизации: очень аккуратно вводит заимствования более позднего времени, воссоздавая исторический колорит отдельными штрихами. Подобный принцип, только в его проекции на национально-исторический колорит, в совокупности с принципом тематической предопределенности заимствованной лексики наблюдается и в «Маленьких трагедиях»: очень незначительное присутствие западноевропеизмов создает «внепространственное» и «вневременное» восприятие трагедий, в которых затрагиваются существеннейшие вопросы бытия.

Предметом внимания в §7 стали пушкинские статьи и критические заметки. Уже в ранних *статьях* происходит своеобразное «примеривание» западноевропеизмов для

выражения различных оттенков значения и смыслов, что в значительной степени связано с разработкой некоторых методов, приемов жанра полемики. Пушкин исходил из убеждения, что умная, дельная, одновременно живая и острая полемика должна заставлять «мыслить и смеяться». Параллельное развитие языка пушкинской прозы и языка критики (шире – публицистики) объясняет определенное сходство в использовании основных приемов, главные из которых – стилизация, пародирование особенностей речи и стиля оппонента. Разоблачение противника может достигаться путем пародийной «защиты» его мыслей и поступков, создания вымышленных образов-масок в целях маскировки собственных позиций. В прозе подобное этому в той или иной степени мы можем увидеть, например, в «Повестях Белкина». Создавая образ-маску, Пушкин нередко играет на возможности иронического использования иноязычного слова как показателя принадлежности к определенному социальному кругу (причем в равной степени может быть использовано как заимствованное слово, так и иноязычное вкрапление). Примером может служить блистательный памфлет «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» [11: 204].

Частыми в текстах критических работ являются каламбуры, эпиграммы, разного рода сатирические сопоставления, намеки, иносказания, создающие эффект полной дискредитации противника. В реализации этих приемов не последнюю роль играют и заимствования. Комизм может быть основан на логическом несоответствии и/или ассоциативном соотнесении с пословицами, поговорками: «Меня спрашивали, доволен ли я моим **камер-юнкерством**... а по мне хоть в **камер-пажи**, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике» [12: 318]; на омонимии некоторых образований: «NN., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. "---я такой еднорал, як вин сам". Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: "Что ты врешь? какой ты **генерал**? Ты **генерал-бас**" [12: 173].

В журнальной критике есть примеры каламбурного использования западноевропеизмов, при котором цель создания иронии или шутки может не преследоваться: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописцев дало мне мысль облечь в **драматические** формы одну из самых **драматических эпох** новейшей истории» [11: 140].

В текстах статей можно встретить одинаковые или близкие по значению содержащие западноевропеизм словосочетания, которые «мигрируют» из одного жанра в другой: *ученый кабинет*, *записные рецензенты* (ср. *записные красавицы*, *записные франты*), *аристократические выходки* (ср. *аристократическая гордость* – в письмах, *аристократические предрассудки* – в прозе).

При всей свободе словоупотребления в текстах журнальных статей не наблюдается избыточности западноевропеизмов. Вероятно, в силу особенностей тематического распределения, в отличие от прозы и писем, в журнальной критике практически не наблюдается приема создания иронии за счет нагнетания таких слов или за счет намеренного столкновения единиц различной степени адаптации, как это имеет место и в «Евгении Онегине», и в «Графе Нулине», и прозе, и в письмах.

Все статьи Пушкина совершенно четко ориентированы на определенный уровень читателя, – читателя, осведомленного в вопросах общественной жизни первой трети XIX века, читателя думающего, способного понять систему намеков и недоговоренностей. Между тем, несомненно и «образовательное», просветительское начало пушкинских работ, которое проявляется прежде всего в особенностях их языка и стиля, принципах отбора и употребления тех или иных языковых единиц, благодаря которым, собственно, и становится возможным введение полемического контекста и проявление «какого-то лукавства ума».

На протяжении практически всей литературно-критической деятельности Пушкина, если судить как по опубликованным, так и по неопубликованным работам,

утвердившиеся первоначально, по-видимому, интуитивно принципы отбора и употребления иноязычных слов не меняются, а только все более утверждаются, теоретически и практически оформляются, проникая в художественные произведения.

Употребление западноевропеизмов в пушкинских *письмах*, результатам изучения которого посвящен §8, неодинаково в разные периоды его жизни и творчества: для юношеских писем характерна игра слов, каламбуры, шутливость тона дружеских посланий, стилизация и т.д., создающиеся в том числе и за счет использования иноязычной лексики; в письмах конца 20-х – начала 30-х годов наблюдается большая дифференцированность в выборе указанных единиц, более заметно влияние тематики и адресата (особенностей его личности и статуса) на характер использования западноевропеизмов. В письмах прослеживается довольно строгая закономерность: и качественно, и количественно употребление западноевропеизмов зависит от тематики письма и от адресата послания, которые влияют на общую манеру поведения автора, на создаваемую им «маску». Количественная зависимость наблюдается больше от жанра письма и от его содержания, качественная – от жанра и от адресата.

В письмах функции западноевропеизмов особенно многообразны. Так, иноязычное слово нередко становится частотным для создания иронично-насмешливого или шутливого тона, когда в таком тоне выдержано все письмо или какая-то его часть (дружеская переписка, например, письмо от 14 августа 1831 года П.А. Вяземскому [14: 207]), а его исчезновение/появление может стать «сигналом» «переключения регистров» – при переходе от шутливого к деловому тону и наоборот. Концентрация иноязычных слов разных тематических групп в различных частях одного письма может быть обусловлена переходом от одной темы к другой. Частотны повторы лексических единиц с целью усиления значения. Гораздо чаще, чем, например, в прозе, западноевропеизм в языке писем Пушкина используется для создания каламбура.

Многочисленно в письмах вариативное написание слов (*буфон, грип, мушитук, омеопатически, ассесор, банкротство, иллюменация* и т.д.). Существовавшие варианты могли обыгрываться в тексте самого письма: «Сегодня *фейворок*, или *фейерверк*...» [15: 181]; в письме П.А. Плетневу (14 апреля 1831 г.) встречаются сразу 3 варианта слова *квартира*: *квартира, квартаера* и просторечное *фатерка*. Последнее употребление связано прежде всего с созданием шутливого тона, которым сказано о потребностях бытовых, достаточно важных для Пушкина в описанной ситуации: «Отлагаю чтение до Царского села, где ради бога найми мне *фатерку* -- нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. *Фатерка* чем дешевле, тем разумеется лучше...» [14: 162]. Интересно, что в языке Лермонтова вариант *фатера* встречается в прозе, в романе «Герой нашего времени», у Пушкина – только в письмах (причем в «Словаре языка Пушкина» имеет помету «в шутл. употр.»).

В языке писем Пушкина довольно частотными оказываются слова, производные от западноевропейских, со значением пренебрежения (*альманашиник, журнальщик, литературищик* и т.д.), а также дериваты, призванные шутливо охарактеризовать что-либо или кого-либо («Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты *камер-пажиха* [15: 136]; «*Кузинки* пищат, как галочки» [16: 114]).

Важным для определения характера функционирования указанных единиц оказывается их контекстное окружение. Например: «Я всегда был склонен *аристократичествовать*, а с тех пор как пошел мор на Пушкиных, я и пуще *зачуфырился*: стихами торгую en gros, а свою мелочную, лавку № 1, запираю» [13: 185]. В одном предложении оказываются заимствованное слово, просторечие и вкрапление, что создает шутливый тон, оживляет фразу, максимально приближая ее к разговорной речи. Ср.: «Не верь Н. Раевскому, который бранит его [«Евгения Онегина»] -- он ожидал от меня *романтизма*, нашел *сатиру* и *цинизм* и порядочно не *расчухал*» [13: 85]. Принцип «соседствования» заимствованных слов и просторечных русских выражений, вероятно, восходит к «разговорному стилю светского дворянского языка на французской основе»

(В.В. Виноградов), где рядом «уживались» французские слова или даже целые фразы на французском с русскими просторечиями. В эпистолярной Пушкина это отнюдь не механическое копирование разговорного стиля, а действительно прием.

Показательно, что в черновиках писем, в отличие от черновигов художественных произведений, практически нет замен, касающихся употребления/неупотребления и включения/невключения в текст заимствованного слова. Имеют место только отдельные варианты написания. Очевидно, в прозе функциональная нагрузка западноевропеизмов значительно выше. Кроме того, несмотря на скрупулезную работу Пушкина с любыми текстами, в том числе и с эпистолярными, речь в письмах, особенно адресованных близким людям, все-таки гораздо более спонтанная, позволяющая некоторые вольности. Однако, как показывает исследование, принципы использования заимствованной лексики для решения различных художественных задач формировались все-таки не без участия эпистолярного жанра и даже в большей степени благодаря ему.

Различаются письма Пушкина в плане использования западноевропеизмов и в зависимости от адресата. Так, в официальных письмах (например, А.Х. Бенкендорфу) заимствованная лексика ограничивается словами, относящимися к литературе (в подавляющем большинстве случаев только в терминологическом значении) и/или называющими лиц по их социальному статусу. А.Н. Гончарову, деду Н.Н. Гончаровой, Пушкин пишет, практически не используя заимствований, независимо от предмета разговора. Единичные случаи относятся к предметной лексике. В письмах к Н.Н. Пушкиной очень часто (практически в каждом письме) встречаются слова *кокетство*, *кокетничать* и их производные (*искокетничаешься*, *раскокетничалась*), причем в соотношении с понятием светского тона. Когда же Пушкин говорит об очень личном – о детях, о беременности, о доме, о слугах, дворовых и т.д. – заимствований практически нет. По всей видимости, это принципиальная позиция Пушкина, поскольку и в художественных произведениях наблюдается такой же подход к употреблению лексики, заимствованной из западноевропейских языков.

§ 9 носит обобщающий характер: в нем обозначены общие принципы отбора и употребления западноевропеизмов, которые формировались в письмах, критических статьях, в романе «Евгений Онегин» и только потом утверждались в лирических жанрах. Здесь же указаны возможности стилистического использования западноевропеизмов, нашедшие отражение в языке Пушкина

Одной из наиболее важных функций является *воссоздание колорита эпохи, особенностей определенного общества* (например, слово *ассамблея* употребляется только в «Арапе Петра Великого»; преимущественно в этом же произведении встречается и *роброн* – еще одно словоупотребление зафиксировано в «Капитанской дочке»; в «Истории Петра» при описании самих событий практически нет слов западноевропейского происхождения, пришедших в русский язык позже начала XVIII века; такие слова изредка могут появляться в сносках, в авторских комментариях, пояснениях, например: *технический* (известно с начала XIX века), *анекдот* (известно с середины XVIII века), *дипломатический* (с начала XIX века); характерное для первой главы «Евгения Онегина» нагнетание слов западноевропейского происхождения воспроизводит особенности аристократического быта начала XIX века и т.д.). При соответствующей тематической направленности текста западноевропеизмы могут выступать в качестве слов, *образующих смысловый центр произведения или его части* (главы «Евгения Онегина», прозаические произведения). Часто западноевропеизмы способствуют созданию *оценки*, играют *образно-оценочную роль* (часто эта функция реализуется за счет различной сочетаемости слов: *лорнет* – *ревнивые лорнеты*, *разочарованный лорнет*, *невнимательный лорнет*, *неотвязчивый лорнет* – все (!) эти словоупотребления встречаются в тексте «Евгения Онегина»), а также становятся *одним из средств выражения авторской позиции и создания образа автора* («Евгений Онегин», «Барышня-крестьянка»). Западноевропеизмы могут *участвовать в создании характеристики героя*, в том числе *речевой* (речь

Екимовны, Петра I в «Арапе Петра Великого»; Андрея Карловича в «Капитанской дочке»; речевое оформление писем Саши, Лизы и Владимира и т.д.); «Конюхи его были одеты английскими жокеями» (об англomanии Муромского в «Барышне-крестьянке»). Еще одна из их функций – функция *символизации* (*сплин, кабинет* – в «Евгении Онегине», *пистолет* – в «Евгении Онегине» и «Выстреле» и т.д.). Иногда западноевропейизм *способствует лаконичному и точному выражению мысли* (обычно в письмах и журнальных статьях); *восполняет отсутствие или неполную адекватность соответствующих понятий в русском языке; становится средством эвфемизации; участвует в создании каламбуров*. Очень часто в пушкинских текстах западноевропейизм становится *средством создания иронии, шутки*, при этом может использоваться несоответствие значения действительному содержанию; столкновение двух стилистически контрастных элементов и/или соединение двух несочетающихся понятий («Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, – с обрушенным валом, по которому бродит **гарнизон** куриц и гусей» [8 (1): 448].

Кроме того, слова западноевропейского происхождения могут *использоваться в качестве контекстуальных синонимов и антонимов* (парой может выступать как русское слово, так и западноевропейское): «Мы почитаем всех **нулями**, А единицами – себя» [6: 37]; «Он понял, что между надменным dandy, --- и им, бедным кочующим **артистом**, --- ничего не было общего» [8 (1): 266]; «Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она **штатс-дама**, а ты **камер-пажиха**» [15: 136]; «Он **аристократ** – а я смиренная **демократка**» [8 (1): 49] и т.д.

Степень функциональности указанных единиц, а также объем дополнительной смысловой нагрузки может зависеть от жанра произведения.

Благодаря умению Пушкина выбрать максимально точное, уместное слово и включить его в определенный контекст некоторые из слов западноевропейского происхождения вошли в состав крылатых выражений и афоризмов: «мы почитаем всех **нулями**, а единицами себя»; «перед **каминном** надевая **демократический** халат», «шипенье пнистых **бокалов** и **пунша** пламень голубой», «ученый малый, но **педант**», «**гений** и злодейство – две вещи несовместные»¹⁵ и т.д.

Некоторые из указанных функций совпадают с функциями, выполняемыми вкраплениями, что, вероятно, объясняется тем, что, с одной стороны, в неассимилированной лексике Пушкин интуитивно чувствовал потенциал ее освоения, с другой – будучи билингом и понимая необходимость развития русского литературного языка, способствовал этому освоению. Не случайно в языке Пушкина есть слова, функционирующие и на уровне вкрапления, и уже на уровне заимствования. Иногда они «сталкиваются» в одном тексте. И хотя таких примеров мало, случайностью это не назовешь. Другой вариант словесной игры – одновременное употребление в одном тексте русского слова и заимствованного (независимо от степени ассимиляции) с синонимичными, иногда даже дублирующим друг друга значениями (*дуэль – поединок*). В художественных произведениях такое употребление связано прежде всего со стилистическими задачами, решаемыми автором в данном произведении. Однако вместе с тем иногда происходит расширение понятий, наполнение их новым содержанием.

Таким образом, Пушкину удается добиваться различных стилистических эффектов на материале совершенно новом, не освоенном еще русской словесностью.

Анализ функций, которые выполняют западноевропейские заимствования в языке Пушкина, позволяет хотя бы предположительно сформулировать требования, сознательно и подсознательно «предъявляемые» поэтом к указанным единицам. Назовем наиболее, на наш взгляд, важные из них: 1) строгое соответствие изображаемому месту и времени (реалистический принцип); 2) полное понимание значение слова и появляющихся оттенков значения при сочетании с теми или иными словами («точность и ясность»); 3)

¹⁵ См., например, Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ. Фолио-пресс, 1999.

отсутствие в русском соответствующего слова для выражения необходимого понятия или названия нужного предмета (компенсаторный принцип); 4) учет вариантов произношения, грамматических и прочих вариантов для определения слову соответствующей ему по авторскому замыслу функции (принцип стилистического и контекстно-смыслового соответствия).

Эти требования сложились в условиях трудных и неоднозначных исканий людей, неравнодушных к РУССКОМУ СЛОВУ. Отметим, что в современных пособиях по культуре речи указывается на необходимость учитывать именно эти факторы при отборе и употреблении заимствованной лексики (проблема, чрезвычайно актуальная в современном русском языке). Более того, это такие принципы, которые, в соответствии с современными нормами, должны использоваться при отборе и употреблении языковых средств любых лексических пластов, т.е. иноязычное слово в языке Пушкина становится полноправным членом стилистической системы, к которому предъявляются такие же строгие требования, как и ко всем остальным членам этой системы.

Очевидна взаимосвязь между формированием принципов отбора и употребления заимствованных единиц западноевропейского происхождения в языке Пушкина и осуществлением общей стилистической реформы, благодаря которой русский литературный язык поднялся на новый уровень своего развития.

В *Заключении* излагаются основные выводы и результаты, полученные в ходе исследования, обозначаются перспективы дальнейшей работы.

В результате проведенного исследования в соответствии с поставленными целями и задачами был составлен словарь заимствованной лексики западноевропейского происхождения, включающий в себя 1380 слов, пришедших из французского, немецкого и английского языков преимущественно на протяжении XVIII – начала XIX веков, с указанием языка-источника, частотности словоупотреблений по жанрам, с примерами пушкинского словоупотребления и стилистическими пометами, зафиксированными в современных словарях.

В ходе работы сделаны выводы о том, что формирование принципов отбора и употребления иноязычной лексики тесно связано с развитием реалистического метода изображения действительности в творчестве Пушкина и в определенной мере с жанровой принадлежностью текстов: сначала эти принципы сформировались в журнальных и эпистолярном жанрах, как более приближенных к языку повседневного общения, и только потом в прозе.

В работе подчеркивается, что употребление западноеuropeизмов в большинстве случаев довольно строго детерминировано задачами конкретного текста, а сами указанные единицы в контексте произведений могут получать дополнительные смыслы и оттенки значений, связанные с эстетическим и конкретно-историческим содержанием произведения. Наиболее заметно это в текстах писем, журнальных статей, в «Евгении Онегине», в прозе.

Анализ черновых вариантов с точки зрения процесса отбора западноеuropeизмов показал: наиболее интересны в этом плане черновые варианты прозаических произведений, что обусловлено, вероятно, особым местом, которое занимал язык прозы в творческом сознании А.С. Пушкина.

В большинстве случаев предметом изображения А.С. Пушкина оказывается жизнь дворянского сословия. Совершенно очевидно, что, говоря об отдельных сторонах жизни русского общества первой трети XIX века, Пушкин не мог не использовать заимствований. Однако у поэта использование заимствованного слова никогда не было самоцелью. Более того, как показывает анализ пушкинских произведений, когда вопрос встает о выражении каких-либо глубинных чувств, ощущений, представлений, никаких лексических заимствований из западноевропейских языков не появляется, причем касается это не только художественных произведений, но и в большинстве случаев эпистолярного поэта – б и л и н г в а . Для Пушкина это принципиально.

Западноевропейизмы в языке Пушкина – пласт лексики, которым поэт великолепно владел, а знание языка и понимание тенденций его развития вкупе с языковым чутьем задали направление развития для многих этих единиц.

Позицию Пушкина в отношении к заимствованной лексике, помимо ставших хрестоматийными и абсолютно, на наш взгляд, бесспорных утверждений исследователей, можно было бы сформулировать так: если слово действительно необходимо, то оно обязательно должно получить в системе языка все права, гарантированные этой системой. Этот принцип – принцип использования всех потенций нового слова – реализуется во всем творчестве Пушкина.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. **Слова западноевропейского происхождения в вариантах авторской правки А.С. Пушкина (на материале прозы). (Статья.) Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IV. Ч. 3. – СПб.: Наука, 2008. – С. 148 – 160 (0,8 п.л.).**
2. Иноязычная лексика в языке А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. (Тезисы доклада.) Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX – XX веках. Тезисы докладов международной научной конференции. – Н. Новгород, НГЛУ, 1999. – С. 211 – 214 (0,3 п.л.).
3. Иноязычная лексика в прозе А.С. Пушкина (на материале повести «Выстрел»). (Статья.) Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 85-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород, ННГУ, 2001. – С. 216 – 220 (0,4 п.л.).
4. Использование западноевропейской лексики в прозе А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. (Тезисы доклада.) Владимир Даль и современная филология. Материалы международной научной конференции. – Н. Новгород, НГЛУ, 2001. – С. 77 – 79 (0,2 п.л.).
5. Иноязычная лексика в критических работах Пушкина. (Статья.) Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Сборник статей по материалам региональной научной конференции молодых ученых. – Н. Новгород, НГПУ, 2003. – С. 56 – 58 (0,2 п.л.).
6. Лексика западноевропейского происхождения в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». (Статья.) Вестник Саровского физтеха, № 12, 2007. – Саров, ФГОУ ВПО «СарФТИ», 2007, с. 103 – 109 (0,6 п.л.).
7. Отражение языковой ситуации первой трети XIX века и ее преломление в прозаических произведениях А.С. Пушкина (на материале галлицизмов, германизмов и англицизмов). (Статья.) Русский язык в условиях интеграции культур: XXVI Распоповские чтения: Материалы Международной конференции (Воронеж, 26-27 февраля 2008 г.): в 2 ч. – Воронеж: ВГПУ, 2008. – Ч. II. – С.126 – 133 (0,4 п.л.).
8. Функционирование галлицизмов, германизмов и англицизмов в языке писем Пушкина. (Статья.) Русское слово в историческом развитии (XIV-XIX века): Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции. 11-15 марта 2008 г. – СПб.: Наука, 2008, в печати (0,5 п.л.).
9. Слова западноевропейского происхождения в вариантах авторской правки А.С. Пушкина (на материале прозы). (Тезисы.) «Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре: Тезисы III Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 21-24 октября 2008 г. СПб.). – СПб., 2008. – С.20 (0,07 п.л.).